

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГОЛОВНОГО УБОРА «БОККА» СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

Большое значение для понимания особенностей культуры отдельного народа в период истории, о котором имеются сравнительно скудные сведения, имеет изучение одежды данного народа, сравнительное сопоставление его с костюмами других этнических общностей.

В народном костюме выявляются эстетические вкусы, отражаются на разных этапах истории социальные отношения и идеология, сказываются влияние природно-хозяйственных условий жизни и уровень благосостояния населения.

Если в наши дни народный костюм сравнительно быстро меняется и имеет много своеобразных форм, в выборе которых проявляются личные склонности и вкусы каждого человека, то в прошлом для него была характерна большая традиционность. Она сказывалась не только в общем виде костюма, но и в отдельных его деталях и была в основном обусловлена причинами экономического, социального и идеологического порядка. Костюм был как бы паспортом человека, определявшим его этническую принадлежность, социальное и семейное положение. Костюм менялся только вследствие изменения этого положения [Сухарева 1954: 9].

Одним из наиболее интересных во многих отношениях элементов народного костюма является головной убор. Именно в нем сильнее всего проявляются своеобразие костюма и традиционные черты.

В данной небольшой работе, основанной на материалах археологии, этнографии и искусствоведения, сделана попытка пересмотреть некоторые, уже устоявшиеся взгляды исследователей

на средневековый женский головной убор (бокку).

В рамках одной статьи невозможно охватить все аспекты рассматриваемой проблемы. Однако на основании имеющегося фактического материала мы сочли целесообразным затронуть некоторые спорные и малоизученные вопросы происхождения и этнической принадлежности средневекового женского головного убора номадов.

Этот головной убор был распространен, согласно письменным источникам, в золотоордынское время в степях Нижнего Поволжья, Заволжья, на территории современной Монголии, некоторых районах Китая.

Существует несколько описаний убора, сделанных некоторыми путешественниками и торговцами, побывавшими в Кипчакской степи во второй половине XIII века.

Так, европейский путешественник Плано Карпини описывает его как «... нечто круглое, сделанное из прутьев или коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот (убор) все увеличивается в ширину, и наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот (убор) нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеуказанный убор покрыты букараном или пурпуром, или балдахинном.» [Рубрук 1957: 7].

А вот как описывает его другой европеец - В. Рубрук: «... Украшение на голове - бокка из древесной коры или другого легкого материала. Это украшение круглое и большое, вверху четырехугольное, как капитель колонны. Бокку покрывают драгоценной шелковой тканью, внутри бокка пустая, а в середине над капителью или над упомянутым четырехугольником они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок. И этот прутик украшает сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями...» [Рубрук 1957: 100].

Многие исследователи, как в дореволюционное, так и в советское время (А.А. Спицин, А.П. Зяблин и др.), связывают данный головной убор с появлением в степях Восточной Европы в 30-х годах XIII века монголов.

Действительно, согласно письменным и археологическим источникам, примерно со второй половины XIII века у кочевниц на Нижней Волге появляется мода на высокий головной убор.

Однако можно ли утверждать, что подобные головные уборы носили только монгольские женщины?

Историко - этнографические и археологические исследования, проведенные на территории Калмыцкой степи и Нижней Волги, показывают, что бокка была распространена и среди других - тюркоязычных кочевых народов.

Известный специалист по археологии поздних кочевников Г.А. Федоров-Давыдов в своей работе «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» констатирует, что «... бокку носили не только монголы...» [Федоров-Давыдов 1966: 156].

К этому и другим выводам Г.А. Федоров-Давыдов пришел в результате применения в несколько усовершенствованном виде метода типологического анализа большого количества позднекочевнических погребений.

Исследователь казахского прикладного искусства А.Х. Маргулан, опираясь на известные описания бокки Плано Карпини и Рубрука и собственные, искусствоведческие изыскания, называет ее кипчакским головным убором.

В то же время он упоминает и другие кочевые народы, среди которых был распространен данный головной убор.

А.Х. Маргулан пишет:... «О кипчаках, канглы и найманах есть сведения в трудах Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. По их словам, все предметы домашнего обихода и одежду у этих племен делали женщины, например, женские головные уборы «длиной в локоть» с четырехугольником или коническим верхом, часто украшенные тонким прутиком из золота или серебра, которые назывались бокка, точнее бугтак. Свадебная женская шапка казахов - саукеле - очень похожа на этот головной убор кипчаков...» [Маргулан 1986: 50].

Однако некоторые исследователи продолжают приписывать бокку монголам.

Так, Е.В. Шнайдштейн в статье «Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в 13-14 вв.» [Шнайдштейн 1988: 69-82], признавая, что убор «... быстро распространился по степи и часто встречается в погребениях разной конструкции, с восточной, западной или северной ориентировкой костяка...», все же называет его «... характерным монгольским предметом». В доказательство своих доводов она приводит письменное свидетельство некоего Сюй-Тин-Чжи, побывавшего в Монголии в 1235-1236 гг., и называет этот убор Гу-Гу: «...У них при приготовлении Гу-Гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется

ветка ивы или (сделанная) из железа длиной в 4-5 чи и обертывается темно - синим войлоком, причем у людей из верхов (общества) она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или кусками разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов (общества) - фазаньими перьями ...» [Краткие сведения о «черных татарах» 1960].

На первый взгляд, описание головного убора, данное Сюй-Тин-Чжи, сходно с описанием Плано Карпини и Рубрука, приведенное выше. Однако, если более детально их сравнить, можно найти некоторые, довольно существенные различия.

Сюй-Тин-Чжи, описывая головной убор, не упоминает того, что должно было ему буквально «броситься в глаза». Это увеличение размеров убора в ширину снизу доверху и наличие в верхней части его четырехугольника, напоминавшего как бы «капитель колонны».

Другое различие - это материал, из которого изготавливался каркас бокки, т.е. деревянной основы, которую затем обертывали в ткань. Плано Карпини и Рубрук пишут, что основа головного убора изготавливалась из прутьев, коры, или «другого легкого материала».

Сюй-Тин-Чжи говорит о раскрашенном дереве, не упоминая ни прутьев, ни коры.

Напрашивается вывод, что перед нами два различных типа средневекового женского головного убора кочевников.

Первый тип головного убора, конусообразной формы, характерен в целом для тюркоязычных народов, в частности кипчаков.

В прикладном искусстве казахов имеется аналог этому типу бокки. Это свадебный женский убор под названием саукеле.

Саукеле - один из древних головных уборов, бытовавших у казахов до конца XIX века. О нем писали И.Георги, Г.И.Спаский, П.И. Небольсин, Ч.Ч. Валиханов, И.И.Ибрагимов. По описанию И.И.Ибрагимова, «... саукеле - высокий конусообразный головной убор, украшенный серебряными и золотыми монетами, жемчугом и кораллами. Длина - 1,5 аршина...» [Ибрагимов 1972: 141].

Некоторые из распространенных в настоящее время среди среднеазиатских народов головных уборов также родственны данному типу средневековой бокки. Как пишет О.А.Сухарева: «... Коническая форма тюбетейки; наиболее распространенная, по - видимому, была обусловлена глубокой исторической традицией. Ей соответствовала коническая форма других традиционных головных

уборов: войлочных шапок, кулохов, женских уборов - саукеле, шоколо, чимекли - тахъя и женских налобных повязок старинного вида. Эту форму головных уборов нельзя не поставить в связь с изображениями шапок одного из древнейших народов Средней Азии - саков. Изживание этой древней традиции заканчивается лишь в начале XX века, когда конические головные уборы почти полностью выходят из употребления...» [Сухарева 1954: 345].

Древнее происхождение конусообразных бокк подтверждают и археологические материалы.

В Центральном Казахстане, в долине реки Аксай, при раскопках одного из курганов были обнаружены две ажурные литые пряжки, на которых изображены расположенные под деревом двое мужчин и молодая женщина в высоком головном уборе типа саукеле [Маргулан: 41]. Пряжки датированы IV-III вв до н.э.

В пользу древнего происхождения данного типа бокки говорят находки, найденные на Афросиабе - городище бывшего Самарканда. Здесь были найдены древние терракотовые статуэтки с высокими конусообразными головными уборами.

Таким образом, мы приходим к выводу, что конусообразные бокки, по - видимому, имеют древнее, автохтонное происхождение, т.е. их родиной, скорее всего, является территория Центрального Казахстана и Средней Азии, где были найдены наиболее древние изображения этих головных уборов.

Это положение опровергают взгляды тех исследователей, которые полагали, что подобные головные уборы были привнесены монголами во второй половине XIII века.

Второй тип средневековой бокки - это убор с расширяющимися снизу доверху размерами, и имеющий наверху четырехугольник. Этот тип женского головного убора, на наш взгляд, был характерен монголам. Судя по письменным источникам, подобные головные уборы носили знатные монголки - хатуны.

Данному типу головного убора соответствует бокка, изображенная на портрете Юаньской императрицы Дзамби - супруги Хубилай-хана (из книги Хеннинга Хаслунда Христенсена «Монгольские прически») [Вяткина 1960: 193]. Главной примечательной чертой головного убора, изображенного на портрете императрицы, является увеличение размеров убора в ширину снизу доверху, что соответствует монгольскому варианту бокки.

Есть также китайские письменные источники, где описываются женские головные уборы Гу-Гу, высота которых

достигала 3 футов. Их носили жены монголо-татарских князей [Васильев 1857: 233].

Изготовление таких необычных по форме головных уборов связано, по мнению некоторых исследователей, с отдельными легендами, в которых говорится о мифическом происхождении монголов от быка, в связи, с чем головной убор женщины, якобы должен служить напоминанием об этом [Вяткина 1960: 195].

Видимо, с этими же легендами связана форма старинной прически халха - монгольской женщины. Она напоминала форму монгольского варианта бокки и была взаимосвязана с ней. Есть подробные описания процесса укладки такой прически. «... Обычно расчесав волосы, женщина - халхаска смачивала их в верхней части клеем, расплюснутую проклеенную прядь она скрепляла бамбуковыми подхватами и ходила с ними до тех пор, пока не засыхал клей. Нижняя часть пряди волос заплеталась в косу, таким образом с обеих сторон получался род полуизогнутых крыльев. После высыхания клея бамбуковые подхваты заменялись серебряными или металлическими (усуны хабчик), на косы надевались чехлы. Сверх прически надевался серебряный или металлический венчик (толгоин болт), украшенный цветными камнями, от него спускались на щеки цепочки с различными подвесками...» [Вяткина 1960: 192].

Заканчивая краткое описание монгольского варианта бокки, целесообразно было бы назвать время появления этого вида головного убора у монголов. Однако, сделать это в настоящее время не представляется возможным. Необходимо более глубокое изучение проблемы с привлечением новейших этнографических, археологических и искусствоведческих материалов, а также широкого круга письменных источников.

Можно предположить, что появление нового элемента в одежде монголов, должно было быть связано с причинами экономического, социального или идеологического порядка. Эти причины имели место в период образования единой общемонгольской империи (первая половина XIII века), когда в монгольском обществе происходит ломка родовых отношений, усиливается социальная дифференциация населения.

То, что бокки носили лишь знатные монголки, и они не были распространены в широкой массе кочевников, говорит о том, что происхождение подобного типа головного убора у монголов носило социальный характер.

Однако возможно, что бокки развились из других, более архаичных типов головного убора, которые существовали у монголов в эпоху родового строя. «...Архаические черты народного костюма восходят к первобытно - общинному строю. Две последующие общественные формации - рабовладельческая и феодальная - создавали условия для сохранения этих архаических черт. Лишь развитие капиталистических отношений нанесло весьма ощутимый удар по всем старым формам жизни и стимулировало процесс их изживания...» [Сухарева 1960: 300].

В то же время следует отметить, что в декоративно - прикладном искусстве монголоязычных народов XIX-XX веков (монголов - халха, бурят, калмыков) мы не находим аналогов средневековому головному убору кочевников. Что касается более раннего периода прикладного искусства этих народов, то можно сказать, что исследователи располагают крайне скудными историко - этнографическими материалами. Как отмечает Н.В. Кочешков, «... ни один из музеев, имеющих монгольские коллекции, в настоящее время не располагает материалом, который бы давал исчерпывающее представление о головных уборах различных монгольских этнических групп...» [Кочешков 1979: 77].

На территории современной Калмыкии и Нижнего Поволжья также, по-видимому, были распространены несколько типов средневекового головного убора кочевников.

В качестве иллюстрации предполагаются рисунки двух бокк, найденных на территории Калмыкии и Астраханской области.

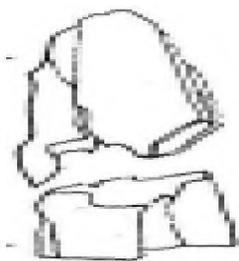

Рис. 1.

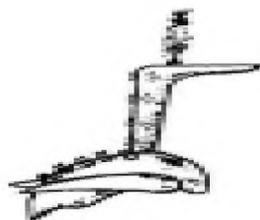

Рис. 2.

На рис.1 изображена берестяная конусообразная бокка со следами швов, найденная в позднекочевническом погребении на территории Октябрьского района Калмыкии [Васюткин 1985: 160].

Форма этой бокки соответствует ее кипчакскому варианту.

Теперь перейдем к соседнему рисунку (рис.2). Здесь изображен головной убор, найденный на территории Астраханской области [Шнайдштейн 1987: 74].

К сожалению, автор, опубликовавший данный рисунок, не привел какого-либо описания найденного головного убора. Мы не знаем также, какой материал использовался для изготовления бокки. Вследствие этого, трудно по одному рисунку дать объяснение некоторым конструктивным деталям головного убора.

Судя по внешнему виду головного убора, он не соответствует ни одному из распространенных типов бокки. Если мы все-таки предположим, что перед нами каркас монгольского варианта бокки, который когда-то был обтянут тканью и имел четырехугольник, все же он не будет соответствовать полностью этому типу рассматриваемого головного убора. И прежде всего потому, что одна из особенностей монгольского варианта бокки - это расширение размеров бокки снизу доверху. Судя по рисунку, данная бокка не обладала этой особенностью.

Скорее всего, на последнем рисунке изображена еще одна разновидность средневекового убора кочевников, которая была распространена в Северо-Западном Прикаспии.

Завершая рассмотрение проблем происхождения и этнической принадлежности средневекового женского головного убора кочевников (бокки), сделаем некоторые выводы:

1. Средневековая бокка имела не один тип, как это предполагалось ранее, а по крайней мере два типа:

а) первый тип - головной убор с конусообразной формой, свойственный кипчакам и другим тюркоязычным кочевым народам.

б) второй тип - головной убор с расширяющимися снизу доверху размерами и имеющий в верхней части четырехугольник. Этот тип бокки соответствует ее монгольскому варианту.

2. Выделенный нами первый тип средневековой бокки (конусообразной формы), по-видимому, имеет древнее, автохтонное происхождение.

Конечно, выводы, сделанные нами по рассматриваемой проблеме, могут носить еще спорный характер и вопросы, затронутые в настоящей работе, еще не изучены в полной мере.

И все же мы приходим к убеждению, что историко-этнографическое и искусствоведческое исследование головных уборов средневековых кочевых народов (и не только кочевых) может

представлять большой научный интерес в плане изучения этногенеза и истории культуры этих народов.

Сравнительное изучение старинных головных уборов народов Средней и Восточной Азии обнаруживает наличие в них многих общих элементов, свидетельствующих о чрезвычайно тесном и длительном культурном общении этих народов между собой и о наличии общих для многих из них этнических компонентов, которые, войдя в различных пропорциях и в разное время в их состав, внесли свой вклад в формировавшуюся в течение веков культуру каждого из этих народов. Это изучение вскрывает глубокий социальный смысл различных форм старинных головных уборов, обнаруживает в них пережиточные элементы, восходящие к древности. Потеряв к концу XIX- началу XX века в значительной мере свое прежнее значение, эти элементы получили дальнейшее развитие как детали художественного оформления национального костюма.

Литература

1. Васильев В. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII // Труды Вост. отделения Русского археологического общества. Ч.IV. СПб., 1857. С. 233.
2. Васюткин С.М. Погребение золотоордынского времени могильника Джангар // Древности Калмыкии. Элиста 1985. С. 160.
3. Вяткина К.В. Монголы МНР // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М., 1960, с.193.
4. Вяткина К.В. Монголы МНР // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М., 1960. С. 195.
5. Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа. // Русский Туркестан. М., 1972. вып. II. С.141.
6. Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX-середины XX века. М., 1979. С. 77.
7. Краткие сведения о «черных татарах». Пэн-Да-Юйя и Сюй Тина. Публикация Лань-Кюи-И и Н.Ц. Мункуева. // Пробл. Востоковедения. 1960. № 5.
8. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. С.41.
9. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство, Алма -Ата, Онер, 1986. Т. I, с. 50.
10. Путешествие в Восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. с. 7.
11. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. // Среднеазиатский этнографический сборник М., 1954, с. 9.
12. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Средне-Азиатский этнографический сборник. М., 1960. С. 300.
13. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. С. 345.

14. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966. С. 156.

15. Шнайдштейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста. 1987. С. 74.

16. Шнайдштейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в 13-14 вв. Археологические исследования Калмыкии. Э., 1988 г., с.69-82.